

## Глава 4. Обещание

Я в очередной раз засомневался в собственных умственных способностях. Только-только собрался расспросить Чжун Бочэня поподробнее, как из коридора потянуло одуряюще вкусным запахом еды. В комнату гурьбой вошли служанка Хундоу и её помощницы, неся в руках блюда, и в мгновение ока заставили весь стол.

Взгляд мой прикипел к этим деликатесам. В животе громогласно заурчало, и все мысли о «национальном долге», «народе в огне» и извечном «любит ли он меня на самом деле» вмиг улетучились. Спрыгнув с лежанки, я коршуном рванулся к столу.

Заметив мой хищный взгляд, Хундоу перехватила меня за плечи, когда я уже тянулся к палочкам для еды, развернула и бесцеремонно окунула мои ладони в таз с водой. Другая девчушка, незнакомая мне, набросила мне на лицо горячее влажное полотенце и быстро обтерла кожу, заменяя полноценное умывание. Едва освободившись от ткани, я шумно сглотнул, не сводя взгляда с угощений.

Круглолицая служанка мило присела в реверансе:

— Ваше высочество Принц Ли, служанка Хунцзао приветствует вас.

\*\*\*

«Что ж, ещё одна из "красного" семейства» — подумал я.

\*\*\*

Натянута улыбнувшись в ответ, я тут же потянулся к жареному гусю. Хунцзао тихонько ахнула и аккуратно перехватила мою руку:

— Ваше высочество, позвольте мне ухаживать за вами.

В итоге я устроился за столом на правах великовозрастного младенца. Хунцзао и Хундоу суетились вокруг: одна подцепляла кусочки палочками, другая отправляла их мне прямо в рот. Голод терзал немилосердно, хотя рана на животе саднила и горела огнём при каждом движении. Впрочем, на мой аппетит это никак не повлияло. Вскоре темп моего жевания превзошёл все мыслимые пределы. Девчонки оказались на редкость усердными: видя, с какой яростью этот «голодный призрак» заглатывает куски, они торопливо подносили новые порции. Вскоре обе взмокли от старания. Переглянувшись, они сменили тактику, работая не щадя сил.

Пока я уплетал за обе щеки, Великий канцлер Чжун, безмолвно стоявший позади, оказался полностью проигнорирован. Ещё пару минут назад я лихорадочно соображал, как бы подольститься к нему, а стоило увидеть еду — и все благородные помыслы улетучились. Чжун

Бочэнь долго молча созерцал это зрелище, но когда я за пару мгновений приговорил половину стола, он наконец не выдержал и заговорил:

— Ваше высочество тяжело ранены, вам противопоказана жирная пища, да и переедание сейчас вредно. Ступайте, — обратился он к служанкам. — Пусть на кухне приготовят целебный отвар для пищеварения.

Хунцзао и Хундоу с явным облегчением вздохнули и, растирая затекшие запястья, торопливо поклонились и вышли. Я с тоской проводил взглядом уносимые слугами остатки пиршества. Потирая набитый живот, невольно изумился.

\*\*\*

«Неужели во сне можно чувствовать настолько подлинное, осязаемое насыщение?»

\*\*\*

Великий канцлер Чжун бросил взгляд на солнце за окном, мысленно прикинул время и присел рядом.

— Ваше высочество, мне пора заняться государственными делами. Отдыхайте и набирайтесь сил. И помните: не стоит торопить события.

— Я и не тороплюсь. Пока мы с тобой заодно, мне не о чем беспокоиться.

Стоило мне наесться до отвала, как кровь отлила от головы к желудку, лишая мозг остатков сообразительности. Вот я и ляпнул вслух то, что следовало держать при себе.

Чжун Бочэнь даже бровью не повёл, никак не прокомментировав мою простодушную прямоту. Он лишь пристально посмотрел на мои лоснящиеся от жира губы и тихо спросил:

— Ваше высочество... там... недоедали?

Я вздрогнул, поспешно подавил рвущуюся наружу сытую отрыжку, сделал судорожный глоток чая и пошёл на попятную:

— Да нет... Жил вполне сносно.

Действительно ли сносно? Стоило теплой влаге скользнуть в горло, как в памяти ураганом пронеслись картины прошлого. Пять лет на чужбине в качестве заложника. Да, было одиноко, приходилось молча сносить пренебрежение и холодные взгляды, но голодом меня никто не

морил. Вот только резные перила и яшмовые ступени чужих чертогов не могли заменить дом, а на троне восседал вовсе не мой отец. Сытая жизнь в золотой клетке мало чего стоила, когда в Праздник середины осени все вокруг собирались семьями, а я мог лишь уповать на то, что увижу родные края хотя бы во сне.

Я хоть и не отличался сильным характером, но не докатился до того, чтобы забыть о родине. Пять долгих лет я ходил по тонкому льду, содрогаясь от каждого шороха и видя в любом дуновении ветра предвестие неминуемой бури. Со временем я превратился в законченного параноика, искренне веря, что меня бросили на произвол судьбы и обратного пути уже нет.

А потом скончался отец-император — моя единственная опора. Мои венценосные братья тут же вцепились друг другу в глотки в борьбе за престол, и страна затрещала по швам. Мир для меня рухнул. Кому теперь сдался никчёмный, бесполезный принц-заложник? Я приговорил себя к пожизненному изгнанию. Думал, что когда пробьёт мой час, меня даже похоронить по-человечески не удосужатся — зароют на границе двух государств вместо межевого камня. Будут проезжие купцы садиться на мой невзрачный холмик, принимая его за обычный валун, чтобы перевести дух, а моя неприкаянная душа останется томиться под землей, вечно считая три убогие травинки на собственной могиле.

Теперь я понимаю, насколько был наивен и пессимистичен. Страна хоть и раскололась надвое, но устояла. Отец ушёл в чертоги предков, но оставил после себя преданных мужей, которые не пожалели сил, чтобы вызволить его незаметного пятого сына. Наверное, стоит радоваться, что у батюшки было негусто с наследниками. Будь у него сыновей два-три десятка, советники вряд ли вспомнили бы о прожорливом и бесполезном принце, на выкуп которого требовалось столько казны.

На душе стало совсем тоскливо, и с языка против воли сорвалось искреннее:

— Спасибо, что забрали меня оттуда.

Чжун Бочэнь промолчал, но вдруг взял мою ладонь в свои и принялся бережно рассматривать её. От этого прикосновения мне стало не по себе. Я замер, растерявшись и не зная, прилично ли забрать руку.

Спустя долгую паузу он негромко произнёс:

— Похудели. Как же вы похудели... Неужели эти мерзавцы даже не могли накормить вас досыта?

— Кормить-то кормили... Но сколько бы я ни ел, здесь всё равно оставалась пустота. — Я ткнул пальцем в свой округлившийся живот, пытаясь перевести всё в шутку. — Тот день у южной переправы разделил мою жизнь на «до» и «после». Родина разорвана на части, тоска терзает душу, лишая сна. Сидишь впотьмах перед тусклым светильником, обняв колени, наедине с собственной тенью, и понимаешь, что даже восточки из дома ждать неоткуда. Но как бы ни щемило сердце, днём приходилось натягивать маску праздного гуляки, дабы не навлечь на

себя гнев чужаков.

Чжун Бочэнь замер. Он медленно поднёс мою ладонь к своему лицу и прижал её тыльной стороной к собственному лбу. В его глазах читалась абсолютная, пронзительная серьёзность.

— Больше этого не повторится, — твёрдо, чеканя каждое слово, произнёс он. — Обещаю вам.

Я обомлел, чувствуя, как лицо заливают краски. Признаться честно, этот парень со своей внезапной нежностью меня в могилу сведёт. С одной стороны, меня захлестнуло такое острое чувство безопасности, что безумно захотелось прямо тут отвесить ему земной поклон в благодарность за то, что вытащил меня из болота. «Золотое бедро» найдено, хватка у меня железная, теперь-то уж точно не сорвусь, да и выживать в этом мире станет проще. С другой стороны, я густо покраснел — устоять перед его безупречной, благородной красотой было выше моих сил. Моя рука всё ещё покоилась на его лбу, и я отчётливо чувствовал кожей биение пульса. Или это моё сердце колотилось так бешено, что отдавалось в кончиках пальцев?

\*\*\*

«Кажется, мне конец. За все свои двадцать лет я толком и с девушками-то не общался, а тут меня безжалостно приложило обаянием этого статного красавца. Того и гляди, открою для себя дивный новый мир».

\*\*\*

Спешно выдернув руку и пытаюсь удержать в узде стремительно катящееся по наклонной благоразумие, я брякнул первое, что пришло в голову:

— Эм... Давно хотел спросить. Великий канцлер, каков ваш... почтенный возраст?

Мой витиеватый вопрос, должно быть, прозвучал слишком нелепо. Канцлер на миг выглядел глубоко замешанным. Он посмотрел на меня с такой нескрываемой жалостью, словно всерьёз заподозрил во мне слабоумие.

— Ваш покорный слуга старше вашего высочества всего на три года, — ответил Чжун Бочэнь. Он нервно усмехнулся. — Так что о «почтенном возрасте» говорить рановато.

Что?!

Я подскочил на месте и, едва не задев пальцем кончик его носа, возопил:

— В двадцать три года — и уже великий канцлер?! Кому ты зубы заговариваешь!

Чжун Бочэнь аккуратно отвёл мою руку от своего лица и всё так же невозмутимо разъяснил:

— Ваше высочество. Прежний великий канцлер скончался от болезни вскоре после вашего отъезда на чужбину, и советники единогласно рекомендовали меня на эту должность. Я сдал императорские экзамены с высшим баллом на тринадцатом году Юнсин, после чего служил в Министерстве чинов. Пусть моё продвижение и выглядит небывалым взлётом, в наших нынешних непростых обстоятельствах мне, пожалуй, придётся задержаться на этом посту.

\*\*\*

«Ого, лучший на экзаменах — значит, гений. Выдвинут чиновниками — значит, пользуется всеобщим уважением».

\*\*\*

Я растерянно смотрел на этого баловня судьбы, чувствуя, как во мне просыпается застарелый комплекс неполноценности.

Наверняка вся эта давешняя сцена с прижиманием ладони к лицу была лишь плодом моего воспалённого воображения, а романтический пафос в моём черновике — обычной уловкой для привлечения читателей. Наш канцлер — типичный «заботливый парень». Такие вежливы и ласковы со всеми без разбора, а я, дурак, уже решил, будто нравлюсь ему...

Хотя стоп. Это ведь я сам прописал его чувства в сценарии! Или нет?.. Голова шла кругом. Я настолько сросся со своим персонажем, что окончательно потерял трезвый взгляд автора. «Не смей раскисать из-за смазливового личика!» — мысленно приказал я себе.

Тем временем Чжун Бочэнь, решив не тратить время на мои безмолвные метания, поднялся и церемонно сложил руки перед грудью.

— Ваше высочество, вам пора отдыхать, — проговорил он и направился к выходу.

Проходя мимо, он вдруг склонился к моему уху и едва слышно шепнул:

— Неужели ваш слуга выглядит настолько дряхлым?

Сердце моё пропустило удар. Заметив, что на его лице проступило искреннее огорчение, я порывисто схватил его за край рукава:

— Да я просто из любопытства, честное слово! С языка сорвалось. Кто же знал, что великий канцлер — настоящий гений!

— Не стоит преувеличивать, — сухо отозвался Чжун Бочэнь.

Он мягко, но настойчиво высвободил руку из моих пальцев, поправил чиновничью шапку и решительным шагом покинул покои.

Я со вздохом опустился обратно на ложе, готовый надавать самому себе пощёчин. Оставалось лишь уповать на то, что великий канцлер окажется человеком великодушным и не станет принимать близко к сердцу мою глупость. Пусть и дальше оберегает меня и ведёт сквозь этот хаос к свету.

В этот момент ко мне подошла Хундоу, неся на блюде нарезанную кусочками боярышниковую пастилу. Стоило мне отправить в рот первое кисло-сладкое лакомство, как настроение мгновенно улучшилось:

— О, а это действительно вкусно!

— Рада, что вашему высочеству по душе. Это Хунцзао расстаралась, — улыбнулась Хундоу и заботливо, словно старшая сестра, вытерла мне губы шелковым платком, прежде чем скормить ещё кусочек. — Чуть позже, ваше высочество, прогуляйтесь по двору, разомнитесь. А то Императорский лекарь Шангуань опять примется отчитывать Стража Сюя за несоблюдение предписаний, а Сюй потом спустит всех собак на нас за плохой уход.

— Сюй Чанчжи? — Я невольно улыбнулся, вспомнив его вечно угрюмую мину. — Ну и суровый же у него вид!

Хундоу негромко рассмеялась, но поспешила заступиться за сослуживца:

— На самом деле Страж Сюй очень предан вашему высочеству. Все те годы, пока вы были на чужбине, он заставлял нас ежедневно прибираться в зале Благородного сияния. Всё твердил, что однажды хозяин вернётся.

— Вот как?

Я был искренне удивлён. Кто бы мог подумать, что этот суровый воин окажется столь преданным. Впрочем, чему удивляться? Мы ведь выросли вместе, делили хлеб и кров с малых лет, были почти как родные братья. Просто Сюй Чанчжи никогда не отличался красноречием. Из тех людей, у кого под ледяной маской скрывается преданное сердце.

Преисполненный тёплых чувств к старому другу, я уже собирался пойти и лично поговорить с ним, но Хундоу ловко перевела тему:

— И ещё... Евнух Лу из дворца Чэнсян очень тоскует по вам. Не могли бы вы попросить Принца Цзиня вернуть его в наши покои?

— Ах, Лу Цзюань, этот кругляш. — При мысли о его упитанной, забавной фигуре у меня потеплело на душе. — Разумеется, я его помню. Он верой и правдой служил мне долгие годы. Ступай, передай моему императорскому брату, что я хочу вернуть Лу Цзюаня обратно.

— Будет исполнено! — расплылась в улыбке Хундоу.

Она бережно помогла мне подняться, вывела во двор и передала под опеку Хунцзао, а сама упорхнула выполнять поручение.

Глядя ей вслед, я с любопытством спросил:

— Хунцзао, а вы, я смотрю, отлично ладите и с Лу Цзюанем, и с Сюй Чанчжи?

— Евнух Лу всегда баловал нас лакомствами, — бесхитростно ответила Хунцзао. Она была заметно моложе своей подруги и говорила без всякого жеманства. — После вашего отъезда зал Благородного сияния опустел, превратившись в подобие холодного склепа. Когда нас только перевели сюда, мы жутко испугались, решив, что в чём-то провинились. Но евнух Лу оказался добрейшей души человеком. Он часто приносил нам разные вкусности и подбадривал: мол, не вешайте нос, присматривайте за покоями, хозяин обязательно вернётся. И вот вы дома! Мы с сестрой Хундоу просто на седьмом небе от счастья!

Её искренность вызвала у меня улыбку. Прогуливаясь под сенью деревьев во дворе, я кивнул:

— Раз так, знайте: пока сыт я — не останетесь голодными и вы. Я не забуду вашей заботы.

— Что вы, ваше высочество, это наш долг, — смущённо склонила голову Хунцзао. — Великий канцлер предупредил, что вы любите клёны и бамбук и равнодушны к цветам, поэтому мы не стали ничего высаживать. Эти пять деревьев в переднем дворе — красные клёны, их бережно перенесли сюда из другого сада. А за покоями раскинулась бамбуковая роща с небольшим прудом. Но вам туда сейчас ходить не стоит — там слишком прохладно и сыро для вашей раны.

«Чжун Бочэнь... Откуда ему известны такие подробности?» — опешил я.

Перебирая в памяти детали сценария, я точно знал, что никогда не прописывал подобные мелочи. Я сам — не вымышленный принц Цэнь Юэ, а реальный человек из плоти и крови — действительно терпеть не мог цветы, предпочитая строгую красоту деревьев и бамбука. Приходилось признать: создавая образ Цэнь Юэ, я неосознанно наделил его собственными чертами. Сделал его ранимым, мнительным бедолагой, обделённым житейской мудростью, который готов вывернуть душу наизнанку перед каждым, кто проявит к нему хоть каплю тепла. Ничтожный шут, застрявший в гряди собственной неполноценности.

На меня накатила глухая тоска. Границы реальности начали стремительно размываться. Кто я на самом деле? Заблудившийся в собственном творении автор или сам принц Цэнь Юэ,

которому в бреду почудилась жизнь сценариста из будущего? Разве может древний человек грезить о грядущих веках? Впрочем, в мире, выдуманном от начала и до конца, возможно любое безумие...

Мой измученный разум окончательно зашёл в тупик. Хунцзао что-то тревожно кричала мне вслед, но у меня не было сил обернуться. В глазах потемнело, ноги сделались ватными. Споткнувшись на ровном месте, я неловко взмахнул руками и полетел ничком на землю. Лоб с глухим стуком встретился с узловатым корнем клёна, а израненный живот — с острым булыжником...

Так, едва придя в себя пару дней назад, я снова провалился в беспамятство, блуждая в крошечной, непроглядной тьме. Сквозь глухую пелену доносился надрывный плач Хунцзао — она испуганно молила о пощаде, причитая, что совершила страшный грех. Я поразился собственной хрупкости: надо же было умудриться упасть в обморок от обычного падения! В то же время меня грызла тревога за девушку: вдруг её жестоко накажут, а то и заперют до смерти за то, что недоглядела за непутёвым хозяином? Пытаясь вырваться из липкого плена небытия, я вдруг заметил впереди слабый проблеск света и изо всех сил устремился к нему.

Но этот спасительный луч не вернул меня в реальный мир и уж тем более не вырвал из сценария. Я очутился в странном, незнакомом месте. Оно напоминало то ли буддийский храм, то ли уединённую даосскую обитель, то ли заброшенную дворянскую усадьбу. За порогом мягко журчал ручей, колыхались тонкие бамбуковые стебли, а густые кроны деревьев укрывали тенью расписные карнизы крыш. Под сводами тихо плыл монотонный напев сутр, переплетающийся с далёким гулом колокола.

Я обнаружил, что сижу на соломенной циновке для медитаций, а в дверном проёме стоит спиной ко мне призрачная фигура. Незнакомка в струящихся белоснежных шелках держала в руках изящный веер.

Я почувствовал глубокое, благоговейное почтение к этой женщине, чьего лица не мог разглядеть. Она казалась чистым, неземным существом, лунной девой, сотканной из тумана и инея. Перед её безмолвным величием хотелось склониться в смиренном поклоне, не смея нарушить покой приближением. И в то же время где-то на самом краю сознания билась настойчивая мысль: нас с ней связывают невидимые, но прочные узы.